

Стахеева Ирина

МИР ЯРЧЕ С ТОБОЙ

**СБОРНИК
РАССКАЗОВ**



Ирина Стахеева
Мир ярче с тобой.
Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69918541
SelfPub; 2023*

Аннотация

Веселые и грустные, светлые и радостные рассказы о наших современниках. Но главное – все они поняли простую истину, что только с Богом мир обретает подлинные краски.

Содержание

Шестое чувство	4
Булочка	23
Ангел	36
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ирина Стахеева

Мир ярче с тобой.

Сборник рассказов

Шестое чувство

После расставания с Ясминой мир не рухнул, но краски его невероятно поблекли. Чтобы оставаться на плаву, Алексей с головой ушел в работу. Гоняя по своему маршруту с утра до позднего вечера, он оставлял время только для быстрых перекусов и ночного сна.

На передние места своей маршрутки Алексей пускал далеко не каждого. Он держал дверь на блокировке и снимал ее, только если за ручку дергала красивая, хорошо одетая девушка. Когда сидящая рядом красавица скидывала с головы капюшон норковой шубы, распространяя по кабине запах косметики и дорогого парфюма, Алексею казалось, что Ясмина все еще рядом и пока не все потеряно.

Решив заменить свой старенький микроавтобус на более новый, он больше не стал заморачиваться с «Газелью», а купил хоть и поддержанный, но «Пежо-боксер». И словно «в пику» бывшей жене, оснастил его новейшей аудиосистемой и двухцветной диодной подсветкой, сделав из салона «кон-

фетку». А может не ей, может самому себе ему захотелось доказать, что независимо от того, что она о себе возомнила, он круче всех и Ясмина это тоже скоро поймет...должна понять.

Перед собой он любил ставить труднодостижимые цели и напором блистательно их достигать. Никто не верил, что девушка-модель выйдет за него, но он этого добился.

В модельном бизнесе Ясмина была с детства. Уже в десятилетнем возрасте она познала слепящий свет софитов и запах новой одежды, рекламируемой торговым центром для своих еженедельных акций. Когда девушка окончила школу, то уже твердо знала, чего в жизни хочет, и не тратила время на высшее образование. С родителями она встречалась только на курортах, куда она прилетала на присланные ими с Севера деньги. Когда-нибудь родители собирались вернуться в родной город. Но это только ближе к пенсии. Поэтому ближайшие пятнадцать-двадцать лет Ясмина оставалась единственной хозяйкой родительских апартаментов, где они с Лешей и поселились после свадьбы.

Собственно говоря, самой свадьбы не было. Просто жених купил выбранные невестой платье, кольцо и букет, а также оплатил профессиональную фотосессию. Расписались они без помпезности.

Деньги у молодой семьи улетучивались моментально. Каждый водила знает твердое правило: всякий день, когда выходишь на маршрут – отложи тысячу, а лучше – две, что-

бы, когда придет время ремонта или нового авто, голова не болела – где взять необходимую сумму. С Ясминой не всегда удавалось отложить в день и по пятисотке. Зато ее ногти в гель-лаке не знали что такое мытье грязной посуды или приготовление еды. Ее кожа холилась в СПА-салонах, фигура оттачивалась в фитнес-центрах. И выглядела она скорее как жена вратаря хоккейной лиги, нежели женой водителя маршрутного такси.

В карьере у нее прослеживался некий рост. Конечно, с работой то – густо, то – пусто. Но когда она все-таки была, Ясмину уже не разменивалась на рекламу третьесортных магазинов, а позировала в мехах и бриллиантах на фоне дорогих авто. За много лет у нее собралось шикарное портфолио. Оставалось только выполнить давнишнюю мечту – засветиться на обложке чего-то вроде «Космополитена» и попасть в крутое заграничное модельное агентство. Что, впрочем, было вполне реально. По крайней мере, один заезжий известный фотограф прочил ей большое будущее. Он советовал Ясмине не задерживаться особо долго на периферии, а искать счастье в столице.

Развод застал Алексея врасплох. Он пробовал выпытать у жены, какую такую заграничную штуку или СПА-услугу она хочет получить, лишь бы только осталась с ним. А может, ей нужна машина? Разумеется! как он сразу об этом не догадался? Конечно, он собирался приобретать новый микроавтобус, и две машины сразу им не потянуть, но если взять

кредит... Потом его стала одолевать ревность к неведомому сопернику. Но жена твердо уверила, что не изменяла и что ничего от него ей больше не надо. Просто она не видит их дальнейшего совместного будущего...

Скрипящие «дворники» автобуса едва успевали сметать с лобового стекла мокрый липкий снег, как тот снова оседал, усложняя водителю и без того плохую видимость. В набитом людьми салоне ссора то возникала, то гасла в звуках музыки, несшейся из акустической системы. Машина, зажатая со всех сторон внутри гигантской пробки, едва продвигалась. Рядом с Алексеем на переднем месте сидела какая-то блондинка в фирменном горнолыжном костюме и что-то слушала в наушниках. Когда она, наконец, вышла, водитель не успел поставить дверь на блокировку, как маршрутка накренилась вправо из-за здоровяка, лезшего на переднее место. Вид его был столь внушителен, что водитель не посмел протестовать. Коренастый дед заполнил собой полкабины. Он оказался настолько широким в плечах, что когда попытался пристегнуться, ему это кое-как удалось, только протянув ремень безопасности сразу через два места. Черная старомодная дубленка обхватывала его гигантскую фигуру. Размокшая от липкого снега, она распространила по кабине резкий овечий запах. Алексей включил вентилятор и внимательно посмотрел на нежданного гостя – не бомж ли к нему подсел? Но хоть лицо пассажира и обрамляла седая борода, на вид она была достаточно благообразна, а глаза старика источали

благодущие и вполне располагали к себе.

Осмотрев кабину со всем ее содержимым, дед с улыбкой спросил у водителя

– Алексей человек Божий?

Лешу не удивило, что его назвали по имени. На зеркале обзора у него болтался сувенир из бересты в виде подковы, вдоль которого крупными буквами было вырезано «Лёха». Водитель усмехнулся

– Какой я Божий?

– Я про иконку святого Алексея человека Божия на панели управления.

– А-а-а... это... Мать прицепила.

– Сам-то в церковь часто ходишь? Или только по праздникам?

– Э-э-э... да я вообще-то считаю, что Бога нет.

– В самом деле? Интересно, интересно..., – старичок оживился, – как же ты это определил?

– Его же никто не видел.

– У-у-у, Лёшенька, много из того, что существует – невидимо. Те же радиоволны. Про Бога же сказано «блаженны чистые сердцем», только такие «Бога узрят». Как думаешь, сердце обычного человека достаточно чистое, чтобы лицезреть Бога?

– А с чего ему быть грязным? Ну, конечно, если там какой убийца или маньяк... Если же, скажем, для примера взять меня ... Я зла никому не делаю. Кто со мною по-человечески

– отвечу тому тем же.

– Уже неплохо. Только для чистоты сердца этого мало-ва-то.

– А чего еще-то надо?

– Творить добро.

– Я его и так каждый день делаю. Только недавно мужик вышел не заплатив. Ехать надо – денег нет. Разве это не добро?

– Конечно – это самое настоящее добро. И, слава Богу, что такие люди как ты еще не перевелись. Но одно дело время от времени творить хорошие поступки, другое – всегда выбирать не то, что тебе удобно, а что нужно другим, и самое главное – чего от тебя хочет Бог. В этом великая любовь.

– Если все другим – самому ничего не останется.

– На самом деле, такая жизненная позиция скорее обогащает. Потому что «блаженнее давать, нежели принимать».

Чтобы отделаться от этого назойливого деда, Леша лишь присвистнул на его странное выражение, оставив слова без комментария.

Лавируя между большими автобусами, водитель кое-как воткнул свой «Пежо» в небольшое пространство, освободившееся на остановке. Но только он собрался отъезжать, как его выезд всем корпусом перекрыл какой-то «ПАЗик». Алексей несколько раз длинно просигналил, но тот упорно продолжал стоять. Выругавшись, Леша попытался его объехать. Но едва ему это удалось, «ПАЗ» фыркнул и тоже отъ-

ехал от остановки, продолжая перекрывать маршрутку путь. Поддав газу, «Пежо» кое-как вырвался. Несмотря на зимнюю стужу, боковое стекло со стороны деда, поползло вниз, и Леша в ярких образах прокричал туда все, что он думал о другом водителе. Затем стекло вернулось в свое прежнее положение, а «Пежо», наконец, полетел вперед.

– Нервная у тебя работа, ничего не скажешь, – вздохнул дед.

– А то... – подтвердил водитель, довольный тем, что ему хоть кто-то от всего сердца посочувствовал, – вот и я говорю, затопчут тебя, если станешь всем уступать.

– Да... мир сошел с ума. Очевиднейшие вещи люди не понимают. Думают, что расталкивая других локтями, в жизни больше добьются. А вот пропусти он тебя, и ты бы сейчас не психовал, и настроение у всех было бы гораздо лучше. Что там настроение?! Вся жизнь преобразилась бы, если состояла из таких вот уступок. Позабыли люди вкус добра. Даже не ощущают к нему побуждения. Чувство голода знают, похмелье известно, а вот сделать что-то хорошее людей не тянет... А все почему? Потому что личного опыта добродетели маловато. Вот ты удивляешься: «Что за нелепица – «блаженнее давать»?» А попробуешь что-то ценное оторвать от себя и отдать другим...

– ...и они тебя кинут, да еще посмеются над лузером.

– Может и так. Зато в чем-то другом добро к тебе обязательно возвратится. Но со временем начинаешь больше це-

нить даже и не это, а состояние в душе после хорошего поступка. После него так спокойно становится, благостно. Ни за какие сокровища мира подобные ощущения не купишь. А уж когда навыйкнешь в доброделании, когда для тебя оно станет естественным, и иного варианта поведения даже не пожелаешь и представить...

– В общем, схема понятна. Творить добро выгодно, – перебил деда водитель.

– Не то, чтобы... хотя и это тоже. Знаешь, законы математики напрямую здесь не действуют. Доброта, скорее, сродни искусству, творчеству. Ты никогда не замечал, как красива доброта? Есть в ней что-то Божественное. Я бы даже сказал более конкретно. Доброта – это и есть отблеск Божественной красоты в нашем мире. Или, если хочешь, вкус добра – это шестое чувство...

– Ну, это вы, папаша, загнули! – Леша даже рассмеялся. – Между прочим, шестое чувство ничего общего с делами милосердия не имеет. Это вообще про мистику, ясновидение там всякое.

– Шестым чувством, Лешенька, можно назвать любое, не входящее в список основных пяти: зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания. Так что это – не обязательно про экстрасенсорику. И чтобы ощутить это самое чувство... В общем, лично я впервые по-настоящему испытал как приятно творить добро, когда последовал совету из книги о батюшке Серафиме Саровском. Он предлагал хотя бы один день полно-

стью воздерживаться от зла и поступать только правильно.

– Кто ж его знает, что в жизни правильно, а что нет?

– О! Для этого имеются десять заповедей. Но я даже не их имел в виду, а вещи вполне обычные. Позвонить в скорую, а не пройти мимо, когда кому-то стало плохо, поделиться едой с голодным, улыбнуться ребенку, воздержаться от дурных слов, мыслей... Да любой ребенок знает, что правильно и хорошо поступать милостиво, по-доброму. А жизнь на опыте подтверждает, что твое отношение к другим, так или иначе, возвращается обратно.

Дед еще много чего говорил. Алексей не принимал его слова всерьез. Ну, стало скучно старичку, захотелось с кем-то покалякать... бывает. Уже к вечеру этот разговор вытеснили тысячи иных забот, проблем и мыслей. Только месяц спустя, когда на сердце стало особо пакостно, а воспоминания об Ясмине обострились, Леша вспомнил о деде. Он же что-то там бубнил про возвращение добра тем или иным способом. Что если действительно прожить один идеальный день? Поставить себе такую цель? Авось на душе полегчает.

Первое, что он в тот день сделал – это убрал блокировку с передней двери. И сразу же кабину заполнили какие-то странные личности. Но вслух он не возмутился, даже когда в кабину полезли двое работяг в не вполне чистых спецовках. Вскоре какая-то скандальная тетка потребовала выключить динамики его наикрутейшей акустической системы. Мол, голова болит, и вообще, водитель обязан думать о комфорте

пассажиров, а не заниматься саморазвлечением.

В течение дня претензии одна за другой сыпались как никогда ранее. словно где-то прорвало невидимую плотину, некогда сдерживавшую людское негодование, и теперь весь смрад человеческой злобы и недовольства выливался на Алексея как раз в то время, когда он решил вести себя идеально и не поддаваться на всякие провокации.

– Водитель, почему не объявляете остановки?! Я чуть свою не проехала!

– Ой! Как здесь душно. Небось, еще и печка включена?

– Куда мне девать твою мелочь? Ты бы еще по одной копейке сдал!

– На улице холод собачий, а у вас даже печка не включена! Совсем со своей экономией о народе не думаете! Одни рубли перед глазами!

– Остановите, пожалуйста, меня тошнит...

– А нельзя ехать поаккуратнее? Чать, не дрова везешь!

– Меня не калышет, что пробки! Транспорт должен прибывать по расписанию!

– Потерпеть только этот день, – едва сдерживая гнев, мысленно уговаривал себя Алексей.

Раньше бы он давно рявкнул, и все претензии мигом испарились. Но «чистота эксперимента» не позволяла это сделать сегодня. А значит, стоило постараться выполнять требования капризных пассажиров. Теперь, всякий раз подъезжая к остановке, он как можно четче объявлял ее название. Сда-

вать сдачу старался только крупными монетами. Ждал, если видел, что кто-то бежит к его маршрутке, даже при сильном отставании от графика. А когда кто-то его «подрезал», ругался не в форточку, а тихо себе под нос.

Через несколько часов такого нервного напряжения и непривычного поведения он вымотался как никогда. И уж, конечно, не испытывал никакой особенной радости в душе.

– Шестое чувство, говоришь? – ворчал он про себя. – Это, наверное, когда голова идет кругом от усталости.

С маршрута Алексей решил уйти гораздо раньше обычно. Он позвонил Вадику, который в тот день был у них «таймером» и следил за графиком всей смены, и сказал ему, что плохо себя чувствует и поехал отсыпаться. Это было сущей правдой, так что даже ложью он не согрешил.

Мелочи собралось как никогда – чуть ли ни двухлитровая банка. Сдавая сдачу только крупными монетами, он понимал, что последствия этого поступка ему придется долго расхлебывать, сдавая всю неделю только мелкими.

До конечной оставалось еще четыре остановки, когда сидевшая в кабине женщина, слегка замявшись, спросила

– Знаете, у меня только пятитысячная купюра. Вы сможете с нее дать сдачу?

Леша напрягся, соображая, набрал ли он за неполный рабочий день такую сумму или нет. И почти понимая, что вез ее даром, ответил

– Не уверен... разве только мелочью сдать? Тогда точно

рассчитаю.

– Ой! Мелочь меня не пугает. Я знаю, куда ее девать.

На предпоследней остановке, когда женщине нужно было выходить, а других пассажиров уже не осталось, достаточно долго вместе с водителем они отсчитывали мелочь и wygrебли ее почти полностью. Такой «крупняк» к концу смены у Алексея был редкостью.

Вечером, лежа на кровати, он пытался проанализировать свой странный день.

По сути, ничего необычного он не делал. При честном подходе, то, что требовали люди – его прямая обязанность. И если бы не природная лень и мужская гордость, так и следовало бы вести себя всегда. А что же с шестым чувством? С удивлением Леша обнаружил, что за весь день ни разу не вспомнил о Ясмине. И, как ни странно, в душе было что-то новое, что хотелось оберегать, как самое настоящее сокровище, какая-то ... чистота, что ли? При этом парень понимал, что она далеко несовершенна и, если постараться, ее можно приумножать, возвращать и укреплять.

– А может... может и завтра попробовать то же самое? – с этой мыслью он сладко уснул.

На следующее утро грянули морозы и Алексей очень долго не мог завести движок микроавтобуса. Попытавшись «прикурить» от соседского джипа, он понял, что проблема не только в аккумуляторе – пора менять свечи. Дома их не оказалось. Пока открылся ближайший магазин, пока то-сё...

Он был не единственный, кому в тот день не удалось завестись. Поэтому, начальник транспортного альянса, к которому он примкнул несколько лет назад, отнесся к ситуации с пониманием. Ближе к обеду, приведя машину в порядок, Алексей покатыл собирать со знакомых остановок окоченевших людей. Никакого настроения повторять вчерашние эксперименты у него не осталось и в помине. И он решил перенести духовные подвиги на следующий день, а потом об этом и вовсе не вспомнил. Только в душе остался едва заметный след некоего опыта. Он знал, что можно жить иначе и пожинать благие плоды своего поведения. Но это требовало особых, даже можно сказать, колоссальных усилий. А потому, он вряд ли когда-нибудь еще на них решится. Гораздо проще плыть по течению и жить, как живет.

Майский жук стукнулся о лобовое стекло и камнем отлетел от него в сторону. Леша на всякий случай глянул на место удара. Нет, стекло не повредилось.

Весна набирала обороты. Еще недавно листья на голых ветках деревьев выглядели зеленым пушком, лишь слегка покрывавшим их, от чего городские аллеи казались прозрачно-зеленоватыми. А теперь молодая сочная листва уже шумела на проснувшихся после зимней спячки кронах. За какие-то два-три дня мир преобразился.

Боковое окно рядом с водителем было полностью открыто. Леша высунул левую руку, словно пытаясь поймать за хвост теплый майский ветер, весело летящий ему на встре-

чу. «Свобода! Молодость! Сила!» – были сегодняшним настроением, как ветра, так и парня, сидящего за рулем микроавтобуса. На переносице у него красовались крутые солнцезащитные очки, в которых он ощущал себя, как минимум, агентом 007. Кровь его пульсировала в такт сабвуферов, сотрясающих салон современными ритмами.

– Водитель, как открыть люк? – послышался из салона чей-то недовольный голос.

– Руками! – отрезал Лёша таким тоном, что пассажирам больше не хотелось ничего уточнять.

Рядом с ним в кабине сидела шикарная брюнетка в мини-юбке. Ее тонкие пальцы с идеальным маникюром скользили по экрану белого айфона.

Айфон... разумеется, он в деталях помнил, как еще до женитьбы подарил Ясмине пятую модель. Едва взглянув на заграничную игрушку, девушка тут же ее выбросила прямо в сугроб. Пришлось самому лезть за ним в снег, очищать и продавать как б/у, потеряв на этом пару тысяч. Шестой айфон (на тот момент самый новый) Ясмينا от него приняла...

Когда брюнетка вышла, Алексей не успел поставить на блокировку переднюю дверь, потому что маршрутка накренилась, и на два передних места водрузился старый, в буквальном смысле, Лешин знакомый. Только теперь он был в сером широком плаще и шляпе. Водитель ему не обрадовался, но и в этот раз виду не подал.

– А-а-а, Алексей человек Божий! Давненько мы не виде-

лись.

– Угу, – недовольно подтвердил Алеша, наполовину поднимая боковое стекло со своей стороны, чтобы не застудить пожилого пассажира и приглушая звук в динамиках.

– Погодку дал Бог! – начал дед, счастливо озираясь, – посмотри, как всё вокруг радуется!

– Некогда мне по сторонам-то, за дорогой следить надо.

– Прости, сынок! Следи, конечно.

Леша облегченно вздохнул, что на этот раз ему удалось избежать нотации. Но не тут-то было. Уже на следующей остановке дед приступил к расспросам.

– Вот я смотрю, ты такой весь подтянутый. Небось, и хозяйку себе выбрал под статью?

– А то! – отвечая немногословно, водитель еще надеялся отвязаться.

– Удивляюсь я нынешним женщинам. Как им удастся и самим выглядеть картинками и хозяйство должным образом содержать?

– А чего там? Нажал на кнопку посудомойки или стиралки и все.

– А поесть приготовить?

– Кафешки работают круглосуточно. Да и доставка не дремлет.

– Это что ли так сейчас молодежь живет?

– Кому достаток позволяет.

– А я-то думал, чего ради внучата со всего города слета-

ются к моей старухе, когда она пироги затевает? Домашнююстряпню, чать, никакое кафе не заменит?

– Это точно, – сглотнул водитель, вспомнив мамины голубцы.

– А эта... из твоей машины передо мной выпорхнула... Знатная барышня. Не твоя?

– Не-е-е... моя красивее.

– И что, тоже по кафе?

– Наверно... Я больше года ее не видел.

– Не уж-то разбежались? Беда! – последнее слово дед произнес с таким участием, что Алексею захотелось излить ему душу. Был он в своей «исповеди» немногословен. В ответ на нее в глазах пассажира читались неподдельные интерес и боль, а потому Леша дополнил свой рассказ некоторыми подробностями, потом еще...

– Что ж... твоя действительно красивей, – заключил дедуля, рассматривая в Лешином телефоне свадебную фотографию, на которой Ясмина, стояла в полный рост и держала в руках богатый букет.

Алексею пришлась по сердцу такая похвала. В самом деле, что-что, а в женщинах он знал толк. Это и дед сейчас подтвердил.

– Да, Лёш, не всем красивыми родиться посчастливилось. Ну, оно и ничего, коли душа прекрасна. Это, пожалуй, важней будет, а? Много ли счастья от внешней красоты?

– А плохо разве, когда у тебя куча поклонников, готовых

исполнить любой каприз, когда все тебя боготворят и носят на руках? Надо быть реалистом: увы, в нашем мире у человека с привлекательной внешностью куда больше перспектив. Красота это и деньги, и связи, и власть. Преимущества, по моему, на лицо. По крайней мере Ясмине сейчас точно лучше, чем мне.

– Ты уверен? А мне почему-то кажется, что если не сейчас, то позже она вынуждена будет признать, что все эти, как ты говоришь, преимущества, голода души не утолят. Ну не может быть счастлив человек, построивший свое счастье на несчастье другого. Завидовать ей, Лёшенька, не стоит. И судить тоже. Молись лучше за неё. Знаешь, может, Бог всё это допустил, и пример её тебе показал для того как раз, чтобы от пути этого тупикового тебя уберечь, и показать как уродлив эгоизм, когда человек живет лишь для себя, и как красива доброта, жертвенная любовь! Так что не горюй! Глядишь, улыбнется тебе ещё счастье! Только иди по дороге добра!

– Это мы уже проходили, – раздраженно подытожил водитель, резко тормозя у остановки и, собирая деньги с выходящих пассажиров.

Когда он поехал дальше, то продолжил.

– На самом деле, я пробовал, старался поступать с людьми по вашему рецепту. Вроде даже получалось, только ничего не изменилось.

– В жизни не поверю!

– Что пробовал?

– Что не изменилось. Наверно, ты без Бога это делал.

– В смысле?

– Ты молился перед тем, как добро делать? Просил Бога о помощи?

– Конечно, нет!

– Так ведь Бог и есть источник всякого добра, Лёш! От Него всё хорошее начало берет. И если человек находит Бога, то и себя он находит тоже. Настоящего себя! Ведь тот потенциал любви, доброты, который есть в каждом из нас, открывается во всей полноте лишь после встречи с Господом! Я, к примеру, вспоминаю сейчас своё безбожное прошлое и удивляюсь. Чем я занимался? В чём удовольствие находил? Какие непотребства творил! Неужели мне такая жизнь по вкусу была?! Тогда казалось, что да. Но я просто другого ничего не знал, понимаешь. На самом же деле зло, эгоизм, грехи вообще – противоестественны нашей природе! Ну, то есть, не для этого мы были созданы. И когда я вкусил как благ Господь, когда познакомился с Ним поближе и пережил на Себе любовь Его, нежность Отцовскую... Вот тут-то и проснулось то, что дремало глубоко внутри. Бог сердце наполнил, и всё переменилось: мысли, чувства, цели, мечты, желания. И радость, Лёша, радость совсем иная, подлинная! Радость от того, что Бог внутри, и мы с Ним вместе добро творим, любовь людям дарим. И так это хорошо, так прекрасно! Вот оно – шестое чувство-то! Впрочем, ясное дело, что и христианам не всё так легко дается. Трудности у всех

бывают. Доброделание – это всегда жертва. Однако жертвовать куда радостней, если чувствуешь близость Господа, Его любовь, поддержку, понимание, и то, что Он верит в тебя, даже когда ты и сам в себя уже не веришь.

– Значит весь приколы, или как говорите, шестое чувство, не в делах заключается, а в том, что ты с Богом?

Лицо деда просияло

– Алексей человек Божий! Ты все правильно понял!

Булочка

Варвара Матвеевна была честной женщиной и вела жизнь правильную: работала на фабрике, вышла замуж, родила двух дочерей, воспитали их с мужем, выдали замуж, вышли на пенсию. Теперь уж внуки подросли и иногда звонят бабушке с дедушкой. Только по межгороду долго не поговоришь: «Как дела? – Нормально!» – вот и все новости. Грустно. Разве только телевизор посмотреть, с соседками вечером на скамейке перемолвиться каким словцом, да раз в месяц посетить храм Божий – помолиться за детей, внучат, да и за себя со стариком.

Последнее время муж Николай стал сдавать. Придёт из своей сторожки и ворчит, ворчит. А раньше какой был! Ух! Огонь! И видный, и весёлый. А как песни пел?! У женщин сразу глаза загорались. Сколько Варвара Матвеевна из-за этого пережила. Теперь же муж хлопнет чарку для расширения сосудов и айда на боковую, ну, или тот же футбол смотреть. Тогда Варвара Матвеевна уходила в соседнюю комнату, молилась или дремала. Футбол она не любила, разве что сериалы какие. Да и удобно их смотреть. Хоть неделю пропустишь, а всё понятно что с героями происходило в предыдущих сериях.

В церковь женщина ходила не с пустыми руками. Пока был сад, то свои капуста, огурцы, помидоры, яблоки, варе-

нья, соленья неизменно оказывались на церковном кануне. А когда силы иссякли и сад продали, хоть банку консервов или булку хлеба несла Варвара Матвеевна на помин родителей. Вот и в это воскресенье перед храмом женщина зашла в супермаркет. Она давно уже привыкла к иностранным названиям магазинов, но не понимала, почему в продмаге купить можно всё. Когда-то это был гастроном № 5. Ясно и понятно, что здесь продукты продают. А теперь что? Всё вперемешку: и одежда, и сапоги, и веник, тут же и водка, и мороженое. Разве это правильно? Раньше даже в сельских магазинах старались промтовары от продуктов отделять. Она сама когда-то видела в сельпо плакат, призывающий продавцов на разных санках возить бытовую и пищевую продукцию.

Протиснувшись между прилавков с крупами, Варвара Матвеевна подошла к полкам с хлебом. Такое изобилие её радовало. Не беда, что у них со стариком пенсии маленькие, зато есть выбор на все случаи жизни. Вот ржаной хлеб, его баба Варя не брала. У неё от кислого хлеба появлялась оскомина, а муж утверждал, что еще в детстве напостился на всю жизнь вперёд, а потому ел только пшеничный хлеб и булки. Каких только булок здесь не было! Фигурные, плетёные, длинные и кручёные, с кунжутом, с изюмом, с отрубями, с повидловой начинкой, из муки крупного и мелкого помола. Внимание женщины привлекла «московская плюшка» – булка, завязанная «бантом», обильно посыпанная сверху сахаром, источающая сладкий и приятный аромат ванили. Жен-

щина сглотнула слюну, представив, как намазывает на эту плюшечку масло и запивает чаем с молоком... Рука непроизвольно потянулась к запаянному полиэтиленовому пакету со сдобой.

– Э, Варвара, ты словно дитя малое, – остановила она сама себя, – пришла в магазин и: «Купи, мама». Дома лежит едва начатый батон, а ты тут деньги транжиришь. Возьми хлеб и иди.

Так она и поступила. Положила кирпич пшеничного хлеба в свою тряпичную сумку, где держала кошелёк (магазинные корзинки казались ей слишком тяжёлыми, и она их не брала), и пошла дальше осматривать где, что, почём, хоть и не собиралась больше ничего покупать. Перед тем, как расплатиться, она вновь вернулась к хлебному прилавку, взяла в руки плюшку...

– Мать, не подскажешь где здесь детское питание? – взъерошенный вид мужчины свидетельствовал о бессонной ночи.

– Вон, там, где молоко. Да, да, левей, – баба Варя вздохнула, – бедолага, небось, с ребёнком всю ночь промаялся. Наверное, зубки у маленького режутся. Эх, детки – конфетки, тяжело вы даётеся родителям.

И, вздохнув ещё раз, женщина побрела к кассе...

Летом на воскресной литургии храм выглядел пустынно. Не было ни юрких детей из воскресной школы, обычно шнырявших под ногами во время богослужения, ни шикающих

на них родителей. Только старухи и несколько девушек и парей составляли сегодня приход.

– Эх, нарушают заповедь, не чтят день Господень. Разъехались по садам – огородам, – сокрушалась Варвара Матвеевна, выкладывая хлеб на канун и позабыв о собственных недавних садоводческих подвигах.

– Спаси, Господи, и помилуй Святейшего Патриарха, Митрополита нашего, деток моих... – шептали старческие губы, умоляя «Владыку всяческих» даровать всем мир душевный и телесный, чтоб дети знали Бога, чтили родителей. – Внучке моей, Олюшке, помоги расписаться с сожителем, а внучку Максимушке дай разумение и усердие в учёбе. Пусть они помогают родителям и бабушку с дедушкой не забывают, навещают иногда. Почитай, уж пять годков как их не видела. В письме фотокарточки прислали. Да разве заменят эти бумажки живое общение? И Матвейка, названный в честь прадедушки давно не приезжал. Дай, Господи, всем им избегать соблазнов этого мира. А то новости в телевизоре стало страшно смотреть: то колются, то режут друг дружку. Не осталось в мире правды.

Когда священник вышел исповедовать, то, оглядев свою паству строгим взглядом, назидательно произнёс

– На исповедь нужно приходить, только примирившись со всеми, ни на кого не имея обиды. Говорите только о своих грехах, кратко и лаконично. Не стоит перечислять кто чем вас в жизни обидел. И ещё, живущих в незарегистрирован-

ном браке, я к Причастию не допускаю, пока неотрегулируете этот вопрос, ибо еще апостол Павел сказал: «Не обманывайтесь: ни блудники, ни прелюбодеи, ни воры – Царства Божия не наследуют».

От последнего заявления Варвара Матвеевна всполошилась, бормоча себе под нос

– Да как же это так?! Да, батюшка милый! Да что же это?

К исповеди она подошла последней, вкладывая в руку священника исчерканную грехами бумажку, нервно переминаясь с ноги на ногу и теребя угол своего платка.

Когда священник накинул на её голову епитрахиль, собираясь прочесть разрешительную молитву, женщина замычала нечто нечленораздельное.

– Что, мать? Хочешь ещё что-то сказать?

– Э-э-э... а-а-а... Мы со стариком нерегистрированными живём, – наконец выдохнула женщина.

– Как это? И в ЗАГСе не расписаны?

– В ЗАГСе-то всё путём. Только венчаться со мной не хочет старый хрыч. Что мне, связанным его в церковь приволочь? Так ведь сил у меня не хватит. Как же мне теперь без Причастия? Ведь помирать скоро! Как я без таинств пред Богом предстану? – плечи женщины затряслись от беззвучного плача.

– Я же сказал, что не допущу к Причастию невенчанных, а незарегистрированных, то есть живущих не расписавшись, – расстроился священник, ошарашенный такой ин-

терпретацией своих слов. – А брак, отмеченный в паспорте, Церковь признаёт. Так что причащайся, мать, спокойно.

– А у меня внучка живёт и без венца, и без ЗАГСа, – встрепенулась баба Варя.

– В своих грехах нужно исповедоваться. Я же об этом говорил уже.

– Но что же мне с ней теперь делать?

– Молись, мать, молись.

– Да я молюсь, молюсь...

После богослужения женщина шла домой уставшая, но обновлённая.

– Здравсте, тётя Варь! Хотите сделать доброе дело? Пятью рублями не подсобите? – прокричал в ухо бабе Варе Марат, живший с ней на одной лестничной площадке.

Женщина охнула, слегка отскочила и, поняв, что от неё хотят, взявшись за сердце, отрицательно замотала головой.

– Что-то я сомневаюсь, что дело действительно доброе.

– Почему? Мне на дорогу до работы не достаёт.

– Ты же пешком туда ходишь. К тому же, сегодня воскресенье. Какая работа?

– Неужели же вы думаете, что мне на то, что вы думаете?

– Не знаю. Сейчас стреляешь, а потом в пьяном виде детей во дворе распугиваешь. Нет, Марат, не дам денег. На вот лучше конфетку, – и женщина достала ему карамельку, приготовленную ею для нищих.

Марат посмотрел на леденец, как будто никогда его не ви-

дел, постоял в раздумье – выкинуть его сейчас или вернуть обратно. Затем, сунул конфету в карман и пошёл дальше искать пять рублей.

– До чего мелочь стали делать тяжёлой, – думала Варвара Матвеевна, поднимаясь по ступенькам на третий этаж, – может и впрямь стоило её отдать Марату, а то нет никаких сил постоянно таскать с собой такие тяжести. В сумке один кошелёк, а весит она как что-то стоящее.

Когда же дойдя до своей квартиры, она решила подробней проинспектировать состояние сумки, то кроме кошелька обнаружила...

– Булка! Как ты сюда попала, милая? А-а-а... видно я тебя торкнула когда молодой папаша отвлёк на себя внимание. Так это что же получается? Я тебя взяла и не заплатила? А в кассе что смотрели? А если бы тебя обнаружили, когда я уже выходила из магазина? Стыд-то какой! Это что же получается, я тебя своровала и с ворованной плюшкой ходила в храм? Свят, свят, свят, грехи мои тяжкие. Да я же за всю жизнь никогда чужого добра не брала. Что теперь с тобой делать-то, а?

Женщина смотрела на виновницу своего невольного греха, и ей виделось, как на том свете перед её носом черти дёргают булку за верёвку. Почему-то при этом она представляла плюшку, привязанную к удочке как наживку, а себя со связанными руками отпихивающуюся от неё. А чего еще теперь ей приходилось ждать? Ведь, она сегодня вполне отчетливо

слышала в храме, что воры – Царства Божия не наследуют.
– Как говорит Матрёна: «Рад бы в рай, да грехи не пускают». Матрёна! И как я сразу не догадалась? Вот у кого спросить совет.

Матрёна помнила наизусть несколько псалмов, кондаков и даже знала что такое «катавасия». Короче, слыла среди подруг женщиной сведущей в церковных вопросах. И уж, конечно, могла наставить, как исправить тот или иной грех.

– Исповедоваться надо, – резюмировала Матрёна рассказ Варвары Матвеевны, – а ворованные вещи обычно жертвуют нищим или в храм. Самое лучшее – положить твою плюшку на канун в помин душ умерших родственников обворованных людей. Сами-то они в храме не бывают, а тут как бы вынужденное пожертвование с их стороны получается. И им хорошо, и храму какая – никакая помощь.

– Да я только сегодня из церкви, и когда себе теперь до неё доберусь? Сама знаешь – у меня ноги, – взывала Варвара Матвеевна к милосердию подруги, проглотив обиду относительно «ворованных» вещей.

– Ну, тогда отыщи вблизи кого-нибудь нуждающегося, – снизошла Матрёна к болезненному состоянию ног бабы Вари.

– Кого же я найду? – думала Варвара Матвеевна после телефонного разговора. – Сейчас даже нищие на церковной паперти от пирогов нос воротят, а здесь булка. И что с нами людьми такое творится? Я бы сама эту плюшку сейчас за

милую душу... а остальные морщатся.

Баба Варя вспомнила, что с утра ничего не ела. Ещё пришло на память, как она на родительскую субботу испекла пироги и раздала их нищим, а те скормили их голубям... побрезговали.

С этими мыслями женщина подошла к окну и увидела Марата, сидящего на карусели.

– Может и впрямь ему на дорогу не хватает? Пойти что ли расспросить поподробней? Глядишь, и булку удастся пристроить.

Баба Варя сложила обратно в сумку кошелёк, «московскую плюшку» и пошла спускаться по лестнице.

Марат в их доме появился недавно, от силы пять лет назад. Откуда он приехал и на каких условиях поселился у своей тёти, никто не знал. Может, после безвременной смерти двух сыновей ей стало тоскливо, и она позвала к себе племянника, а может, ему жить стало негде, и он попросился к единственной родственнице. В любом случае, оба они остались недовольны этим переселением. Марат был жильцом беспокойным, трусливым, а потому, порой неожиданно агрессивным, часто пьяным. Поэтому ключи от квартиры тётя ему не доверяла, а иногда даже на ночь не пускала. И тогда Марат спал прямо на лестничной площадке, растянувшись на бетонном полу под дверью её квартиры. Время от времени он ходил по соседям, клянча то спички, то мелочь, то воды умыться после работы. Работа у него была эпизодическая,

можно сказать – сезонная. Бываю дикие пляжи, а бывают и дикие «бюро трудоустройств» – небольшие пяточки в городе, где встречаются безработные, в надежде прибыльно продать свою рабочую силу и те, кто хочет подешевле отстроить свою дачу или коттедж, в поисках кто бы этим занялся.

Обычно Марат до «пяточка» добирался пешком ранней весной, пропадал из поля зрения жильцов на всё лето, и только в конце октября начинал докучать соседям. То, что летом он в городе, свидетельствовало о сдаче одного объекта и отсутствие другого. Но почему после получки он «стрелял» деньги?

– Может его обманули? Может он голоден? Может ему вынести не только булку, но и что-то более калорийное? – думала Варвара Матвеевна, подходя к карусели. Приглашать же в дом такого буйного гостя она не собиралась.

– Сынок, наверное, ты кушать хочешь? Возьмёшь булочку? – прикоснулась Варвара Матвеевна к плечу Марата и отпряла. Голова мужчины безвольно упала на плечо, из глотки вылетел храп вперемешку с нечленораздельным пьяным рыком. Видно, он всё же нашёл недостающую сумму или снизил свои запросы с бутылки водки до двух пузырьков настойки боярышника, которую местные алкаши покупали в ближайшей аптеке.

– Тьфу! Что за искушения на мою голову? – рассердилась женщина и побрела к дворовой скамейке, не имея сил опять подняться домой.

На скамейке сидела Прокофьевна. Пожилая женщина с наслаждением подставляла своё лицо июньскому солнцу.

– Вот, сил нет домой дойти. И почему раньше в пятиэтажках не ставили лифтов? – ища в лице соседки союзницу, пожаловалась баба Варя.

Прокофьевна открыла глаза и участливо закивала головой.

– Второй раз за сегодня хожу туда – сюда. Умаялась вся, а всё из-за этой противной булки. Пошла в магазин, взяла её, а заплатить забыла. Теперь не знаю, куда и девать.

– А ты снеси обратно, и дело с концом.

– Что ты! Ещё решат, что я её специально своровала, а после передумала. У меня уже однажды была подобная история. Выкладываю я, значит, из сумки товар на кассе. Ещё не всё выложила, замешкалась с кошельком немного, а кассир – хват за сумку: «Ты де, специально соль скрыла, своровать хотела!» А разве я стану воровать? Это же грех какой! Ни уснуть, ни жить потом спокойно не сможешь.

– Да, неприятно, конечно, когда воровкой называют, – стала втягиваться в беседу Прокофьевна, – у меня ещё в детстве случай был. Копались мы в песочнице с мальчиком одним. После войны, сама знаешь, не только игрушек – хлеба не доставало. А у него были самые настоящие детские ведро и лопатка. Не такие как сейчас пластмассовые, а железные. На боку ведра цветочек был нарисован. Ну и забыл мальчик свои игрушки в песочнице, а я видела это и не сказала. И,

разумеется, потом находку домой забрала.

Вечером дома играю в уголочке с ведёрком, а родители увидели и давай вытягивать: «Что такое? Откуда взяла? Кто хозяин?» И когда всё выяснили, отправили отдавать игрушки – сумела присвоить, умею и вернуть. Стыдно, страшно, темнеть начало, я маленькая, а родители ни в какую. Выставили меня за дверь – иди, отдавай. Я реву, несу ведро в соседний двор. Только всё равно сил не хватило признаться. Подошла я к квартире мальчика, поставила ведро с лопаткой перед дверью, постучалась и убежала. На следующий день мальчик опять копался в песочнице с ведром, только я с ним больше не играла. А вот ещё случай был...

– Ох-охонюшки! – вздохнула Варвара Матвеевна, – ладно, я пойду. А то с утра маковой росинки во рту не было.

– Хорошо. Я тебе в следующий раз расскажу, – и Прокофьевна опять вытянула ноги и закрыла глаза.

Вернувшись вечером с дежурства мужу баба Варя рассказала о своих злоключениях.

– Я уж думала, днём таджики будут ходить, попрошайничать по квартирам. Но и те сегодня не пришли. Как ты думаешь, может и вправду, завтра сходить в магазин, отдать булку? Ведь не звери же они, авось войдут в моё положение?

– Успокойся, Матвеевна, и съешь свою булку, а не хочешь – так мне дай. Сегодня они её уже списали, а завтра, если её понесёшь, у них перерасход случится, в смысле – излишки.

– Нет!!! Господь с тобой! Чем ворованным питаться, луч-

ше я её голубям искрошу, как нищие на паперти.

– Ну, кроши. Майся дурью. Надо же чем-то развлекаться на пенсии, – и муж после ужина пошёл дремать перед телевизором.

Помыв посуду, Варвара Матвеевна села рядом с плюшкой, пригорюнившись. Потом какая-то решительная мысль осенила её морщинистое лицо. Посмотрев на часы, и по храпу, раздававшемуся из зала, убедившись, что муж спит, она положила в тряпичную сумку булку, кошелек, и прямо в домашнем халате вышла на улицу.

Вечером солнце уже не пекло, но жара ещё не спала. Стрижи, вереща, нарезали над головой последние круги, прежде чем вернуться на ночь к своим птенцам. До закрытия магазина оставалось двадцать минут, когда Варвара Матвеевна зашла туда. Пройдя внутрь, она подошла к хлебным полкам уже не отличавшимся большим изобилием. С минуту она постояла, а затем направилась к кассе.

Других покупателей не было. Кассир даже не стала прерывать разговор по мобильнику, когда перед ней предстала пожилая женщина, и молча выложила «московскую плюшку». Пробив товар, девушка взяла 12.40 и отдала чек покупательнице. Через несколько минут магазин закрывался, но рабочий день кассира заканчивался ещё не скоро. Впереди ее ждал ежедневный товарный учет.

Ангел

– Ну, Макс, ну, перестань, – насупилась Лена, выкидывая из пакетика на землю шелуху фисташковых орехов.

– А нечего пищевыми отходами засорять окружающую среду, – парировал Максим, вновь пытаясь на лету поймать выбрасываемую Леной скорлупу, и норовя всыпать её обратно в пачку с еще нетронутыми орехами.

– Я тебе! – девушка изобразила на лице сердитость, и в шутку легонько ткнула пакетиком жениха, – чем умничать, лучше скажи, какие у нас с тобой планы на майские праздники? Надеюсь, в саду тебя не запрут?

– Что ты!? Во всех сказках запирают только Елен Прекрасных в этих... как их? В башнях! А настоящие мужчины сражаются за них на турнирах, совершают подвиги в честь своих прекрасных дам. Как тебе такой подвиг? – Максим демонстративно сделал паузу, затем театрально повёл рукой вправо и голосом диктора произнёс, – мадмуазель, жених приглашает Вас провести четыре незабываемых дня... предсвадебного шопинга, – последнюю фразу он произнес на одном дыхании, подхватив смеющуюся и ошеломлённую Лену, и вертя её, что было мочи.

– Кстати, для мужчины это и вправду настоящий подвиг, – уточнил Максим, аккуратно ставя будущую жену на землю, и придерживая, чтобы она не упала от головокружения.

– О, Максим! Неужели мы действительно жених и невеста? Нет, ты, пожалуйста, послушай. Я... именно я... и невеста. Ни Катя Васильева, ни Олеська из девятиэтажки, а я со своими бзыками и странностями, с моей зубной болью, с неумением готовить, с любовью к календарикам. Я до сих пор не могу поверить в свое счастье.

– Ничего, согласишься, когда купим тебе свадебное платье.

– Что значит «купим»? – тоном, не признающим возражения, произнесла девушка, – Платье я пойду выбирать с мамой. Не думаете ли Вы, мистер Нарзанов, что я покажу Вам свадебное платье до церемонии вручения мне обручального кольца?

– О, будущая миссис Нарзанова, в Вашей прекрасной головке таится столько предрассудков! Но ради твоей чудной улыбки, Елена Прекрасная, прощается тебе «сей грех не к смерти». Ладно, на этот раз ограничимся покупкой обручальных колец, костюма для меня и... что ещё нам нужно?

– Так... – Лена слегка наморщила свой хорошенький лоб, сиюсь вспомнить прочие свадебные аксессуары, – шарики, ленты на машину. Ленты нужно взять розовые и голубые. Эльвира говорила, что они с Робертом потом свадебные ленты использовали, когда забирали Элю из роддома. Как разгодились голубые, так как родился мальчик, а если бы девочка, то использовали бы розовые. К чему молодой семье лишние траты?

Лена еще что-то ворковала, а Максим как замороженный

умилялся возлюбленной и, честно говоря, уже не слышал ни о желаемой ширине обручальных колец, ни о том, что они должны быть без модных теперь бриллиантов, ни о бутоньерке вместо платка, которую невеста желала увидеть в лацкане его пиджака, ни о Валитовых с их глупыми шутками в кафе на свадьбе брата. Макс смотрел на Ленины губы и ему рисовались: летний вечер, домик на берегу озера, он в домике сидит перед окном и что-то пишет. Наверно, это песня, которую сладостно будет петь любимой под гитару. А вот и она входит в дом, прекрасная и теплая, как этот майский день. Он поднимает на неё взгляд, крепко обнимает и...

– Макс! Ма-а-акс! Алё, ты где? – Лена тормошила жениха за плечи, – Я говорю, что для торжества лучше всего подойдет кафе «Перечница». Это в двух шагах отсюда. Ты меня слышишь? Макс?

– Прости, Ёжик, задумался о медовом месяце. Говоришь в «Перечнице»? «Пусть всё будет так, как ты захочешь», – приятным баритоном пропел парень отрывок из известного шлягера.

– Можно подумать, это только мне одной нужно, – Лена обиженно отвернулась. Все её воодушевление как рукой сняло.

– Не сердчай, Ёжик, я исправлюсь, – Максим нежно обнял невесту, стараясь загладить свою случайную бестактность.

«Ёжиком» он звал её по двум причинам. Во-первых, когда они встретились, Лена была подстрижена очень коротко.

Собственно говоря, это была не стрижка, а отчаянная попытка парикмахера исправить последствия дизайнерского опыта самой девушки, когда она, стоя перед зеркалом с ножницами в руках, желала сделать на голове что-нибудь «этакое». Во-вторых, когда Максим впервые увидел Елену, она зябко ёжилась, пытаясь победить холод майского утра, обхватывая себя руками и втягивая шею в тонкий свитер. Сердце Макса сжалось от зрелища одетой не по погоде дрожащей на остановке девушки (вечно эти девчонки форсят!), а оставаться в ветровке, когда на нём был ещё и пиджак, просто стало невозможно. Всё это было год назад. Счастливый год. Однако, ласковое прозвище «ёжик» к девушке прилипло окончательно, тем более, что она на прозвище давно уже не обижалась.

Ещё Максим звал Лену Ангелом – Взбултыхателем. Этот образ он почерпнул из Евангелия. Самого названия «взбултыхатель» там нет, просто оно родилось из сюжета.

– Ты у меня внутри всё переворошила, – как-то признался Максим, когда они еще не были женихом и невестой, – как тот Ангел, который время от времени спускался в Иерусалимскую купальню и возмущал воду для исцеления страждущих.

Откуда в их доме взялось Евангелие, Максим уже не помнил, но каждый вечер после семейного ужина мама открывала синюю книжку и читала о событиях двух тысячелетней давности в жаркой Палестине: о том, как великие и знатные,

кичась своим положением, совершали страшные поступки; как самые презираемые и ничтожные обретали надежду, и с помощью Божией преображали свою жизнь; о том, что сколько бы раз не восходило солнце и какие бы неприятности не встречались на жизненном пути, они преодолимы, так как Сам Господь пребывает с нами и уже никто никогда не сумеет это изменить.

– Если придут мастера из цеха, тогда всё это дело, – закончил начальник Лены своей обычной фразой долгое наставление как проводить проверку на вибрацию опытных образцов.

– Павел Матвеевич, – взмолилась девушка, – давайте их уж после праздников. Сегодня всё равно «протрясти» две установки не успеем.

– Ничего. Сегодня начнёте, завтра закончите. Двух дней вам хватит выше крыши.

– Каких ещё двух дней? Завтра же суббота!

– «Рабочая», милая моя, «рабочая»! Или встреча с женихом в обед напрочь вышибла всю твою память?

О том, что из-за праздников перенесли выходные Лена действительно забыла, а язвительное замечание начальника и вовсе повергло её в уныние. Дело в том, что именно в субботу они с мамой решили искать платье, и уже исходя из его фасона и цвета, выбирать галстук, костюм жениху, ленты, украшения к машине и прочие принадлежности, без ко-

торых теперь не обходилась ни одна свадьба. Новый расклад выходных никак не вписывался в её стройные планы. Скажем, в воскресенье искать платье, а в понедельник на рынках всегда выходной. Что ли вторник потратить на всё остальное? Да и удастся ли платье найти за один день? В удручении Лена ходила взад – вперёд по комнате с мыслями о несовершенстве этого мира, о бренности жизни и невыполнимости наших желаний. Ей стало до ужаса жалко саму себя. «Человек должен быть строителем своей судьбы» – вспомнила она недавно прочитанную статью из журнала по психологии, а тут приходится подстраиваться под какие-то обстоятельства. Разумеется, если быть совсем честной, Лена понимала – никакой катастрофы не произойдет, даже при условии, что желанная покупка отложится на неделю или на две. И «строительство судьбы» вовсе не подразумевало, будто все обязательно должно складываться по заранее расписанному сценарию, а никак иначе. Но, тем не менее, она ощущала себя творцом песочного городка так любовно выстроенного, который какие-то злые мальчишки, разметали шутки ради.

В сердцах она пнула швабру, стоявшую в углу с прошлого субботника... Субботника? Да, да! Именно субботника! Мозг Лены лихорадочно работал. На этой неделе тоже проводили уборку, и даже Лену приглашали. Но девушке благополучно удалось отбрыкаться, сославшись на неотложные дела. Она имела в виду покупку платья и прочее. Но если день был рабочий, то всё менялось. По опыту Лена знала,

что в рабочие дни субботник заканчивается задолго до обеда, и всё оставшееся время можно было употребить по своему усмотрению. Человек должен быть активным строителем своей судьбы!

Утром следующего дня, прежде чем выйти из подъезда, Лена высунулась из него и тщательно оглядела двор на предмет отсутствия знакомых. Затем, убедившись в безопасности, она бочком протиснулась и прошла прямо под окнами многоэтажки, пряча взгляд, и стараясь быть максимально незаметной. Виной такого поведения был её странный вид. Нужно признаться, что нас с вами вряд ли шокировало её одеяние, но для Елены Прекрасной сам факт облачения в немодные обвислые джинсы и выцветшую мамину куртку казался катастрофой. Девушку спасло то, что на субботник выходить нужно было на час позже, а в это время основная масса рабочего класса уже занималась своими непосредственными обязанностями, и потому, отсутствовала на улице. Пенсионеры и мамы с колясками в такую рань еще не выходили. Подвыпивший с утра, а может и с вечера еще не протрезвевший бомж, мирно копавшийся в помойке, был не в счет. Поэтому Лена добралась до работы почти никем не замеченная.

– «Классный прикид», как сказала бы моя внучка, – огорошила Лену начальница службы хозяйственного отдела, назначенная на субботнике главной. По виду подвижной и молодой женщины никак нельзя было сказать, что у неё уже

взрослые внуки.

– Красивые джинсики. Так и ходи на работу. А то эта молодёжь вся утянется – перетянется, пупок наружу, ходят обдергайками. Ни вида, ни тепла... Ох, черёмуха – васильки! Неужели я дома телефон забыла?! А, нет. Вот он. Женская сумочка всё одно – чёрная дыра. Если вещь туда попала – не факт, что потом её найдёшь! Помнится, уехала я на дачу, а мне дочь с зятем звонят: «Мама, мы не можем домой попасть. Валера ключи оставил в квартире, а я свои потеряла». Потом через три часа опять звонит, мол, в сумочке нашлась пропажа. А я говорю: «Поздно, я уже в двух кварталах от дома». Ну, конечно, доехала, отругала их обоих по первое число и опять на дачу...

Лена пропускала мимо ушей женскую ворчню, сидя в подсобке и приятно вытянув ноги. В уме у неё рисовались подвенечные платья: прямые и приталенные, трапецеидальные и свободного покроя, розовые, цвета шампань и традиционно белые. В ушах её стоял шелест шифоновых и атласных юбок, хруст корсетов. Ещё зимой, когда Максим только сделал ей предложение, она сразу же потащила его в свадебный магазин, чтобы предстать перед женихом во всей своей красе. А показать ей действительно было что. Примеряя перед женихом наряд за нарядом, она окончательно убедилась в своём женском очаровании. На точёной фигурке девушки любое, даже самое невыигрышное платье, смотрелось великолепно. Вопрос был только в том, на что у них хватит денег

и какой именно образ она предпочтет. Захочется ли ей выглядеть принцессой, древнегреческой богиней, а может, стоит выбрать наряд как для дневного коктейля, только длинный? Правда, когда Макс что-то подобное увидел в журнале, то отозвался о нём, как о «ночнушке». Ну, да ей-то он всё простит, даже такую шалость. В этом девушка была уверена. Что же касалось нарядов под «греческий», то, как оказалось, его из-за отсутствия корсета, предпочитали в основном беременные невесты. Поначалу, всякий раз, когда Лена обращала внимание на греческий покрой, вопрос в магазинах «не беременна ли она?» её шокировал. Максим был человеком верующим, да и Елена время от времени заглядывала в храм, и даже с интересом читала религиозные книжки, которые иногда ей приносил жених. Поэтому вопрос – пожить ли им пробным «гражданским» браком, даже не ставился. К тому же Лену всегда удерживал от добрачных связей случайный разговор с бывшим одноклассником Валентом, который когда-то нравился почти всем девчонкам в школе. Высокий, спортивного телосложения, сын богатых родителей, Валент плюс ко всему хорошо учился. Но не только это заставляло трепетать девичьи сердца, а то, с каким вниманием он смотрел на собеседницу, как вкрадчиво говорил, будто она самый главный и незаменимый человек на свете. Лена ему тоже слегка симпатизировала, но в глубокой тайне, а потому числилась у Валента просто в хороших друзьях. Такое близкое положение, позволило ей услышать признание, которо-

му она сперва не решалась поверить.

– Я женюсь только на девушке, – сказал тогда Валент.

– Подумать только, какое открытие! – съязвила Лена, – а я уж стала подозревать тебя в нетрадиционной ориентации.

– Нет, серьёзно. Прикольно, конечно, с девчонками погулять и всё такое прочее, но первая брачная ночь для моей жены должна стать действительно первой.

От неожиданности Лена чуть не поперхнулась газировкой. Ещё на прошлой неделе Валент хвалился, что им взята ещё одна неприступная крепость в соседнем спальном районе. И эта девушка была не первой, с которой её драгоценный одноклассник дошёл до конца.

– От кого угодно, но не от тебя можно ожидать такие высокие речи.

– А что ты хочешь, Ленюшь? Женщина в доме должна стать надёжным тылом и поддержкой мужчине. А если она свою честь ни во что не ставит, как будет сохранять мою?

– Поэтому ты в таком активном поиске, что ни одну юбку не пропускаешь? – возмущекние и женская солидарность нарастали в ней подобно снежному кому. Вспомнились сияющие от счастья глаза Маринки, и как в этих же глазах спустя всего лишь неделю стояли слёзы обиды и отчаяния. Роза, расставшаяся со своим женихом ради Валента и в результате оставшаяся ни с чем. Хоть недолюбливала Лена Тамару, но даже ей сочувствовала, когда она закрылась от всего мира после «проделок» всеобщего любимца. Истории с Машей,

Айгуль, Анфисой и многими другими, чьи имена она уже не помнила, свидетельствовали не в пользу его красивых доводов. Теперь смазливое лицо Валента, его манерные движения скорее раздражали Лену, и она удивлялась, что прежде так долго увлекалась им.

Не заметив, перемены произошедшей в душе собеседницы, Валент продолжал.

– Не кипятись. Ты встань на моё место. Учусь я в Швейцарии, скорее всего, работать буду во Франции. Ты хочешь, чтобы при этом постоянно терялся в догадках: «Что дома творится»? А относительно «юбок», они сами все ко мне лезут.

– Ну, конечно!

– Правда, правда.

– Ага, как у того кота, который не сам спёр сметану, а она насильно заскочила ему в рот. Хотя мне постыдился бы врать! Я тебя с песочницы знаю. Подъедет весь такой крутой на своём красном кабриолете, пригласит покататься и промеж делом: «Ой, какие приятные у тебя духи. Французские? Я сразу понял. Неделю назад был на показе в Доме Шанель, там было что-то подобное, но твои – гораздо лучше! А глаза твои мне напоминают синеву моря у Лазурного берега. Никогда не была во Франции? Ну, какие наши годы? Это дело поправимое. Я скоро возвращаюсь в Швейцарию, вот решил по дороге заехать в Париж, и такая очаровательная попутчица была бы очень кстати». И так «случайно» коснется колен-

ки... Лицемер! – лицо девушки горело от негодования.

– Честно, Лен. Ну, хоть бы одна отказала. Я даже опыт ставил, думал сейчас встанет, залепит пощечину и уйдёт. Так ведь нет! Сидит, хихикает. На что ни решусь – всё можно. Разве для вида покочевряжится денёк – другой.

– Ох, Валент! Влипнешь ты когда-нибудь в историю со своими опытами. Встретишь этакую стерву с расчетливой головой и холодным сердцем, которая откажет в близости, но не из скромности, как ты надеешься, а с целью получить твоё положение и родительский капитал. Отзовутся тогда тебе девочки слёзки.

Доля правды в его размышлениях, относительно доступности современных девушек, конечно, была, но Лена понимала: реальность не вполне соответствовала той надрывно-романтической истории, которую наплел Валент. Возможно, вначале своих походов он, действительно, искал с кем создать семейный очаг. Но постепенно, как это часто бывает, средства превратились в цель, и Валент увлекся совсем иными мотивами, продолжая тешиться мыслью, о благородстве своих поступков.

Сейчас Лена уже не помнила, как закончилась их перепалка, но из неё она вынесла два важных урока: семью нужно закладывать в чистых отношениях, и не идти в этом смысле ни на какие компромиссы, ни с совестью, ни с веяниями времени, ни, тем более, с разгорячённым возлюбленным; а ещё для себя она решила, что как бы не сложилась жизнь, она

не станет её связывать с красавчиком Валентом. Слишком уж у него завышенные требования к другим и сплошное попустительство к себе. Впрочем, ему она была по-настоящему благодарна. Обиды со временем забылись, а правильные жизненные установки позволили ей оценить скромного и заботливого Максима Нарзанова, которого она любила и себя при этом чувствовала действительно любимой.

Мысли о женихе вновь унесли её в свадебные бутики, а потому она выбирала метлу и перчатки для субботника в полу бредовом состоянии. Только когда её определили участок уборки, Лена встрепенулась. Это был знакомый им с Максимом пятачок. Близость к предприятию, зелень травы, а также скрытость от посторонних глаз, делали его излюбленным местом Лениных обеденных свиданий с женихом (который работал неподалёку), а в остальное время – сотрудникам для перекуров и собирания сплетен. Среди окурков и конфетных бумажек валялась шелуха фисташковых орехов, набросанная Леной накануне. С чувством пойманного вора, девушка пнула шелуху носком кроссовок.

– Как сказал бы Максим: «С ними случается по верной пословице: пес возвращается на свою блевотину». Так, кажется?

Никто ей не ответил. Лишь ветер, пробежав по девичьим волосам, пошевелил травой, уронил пивную банку и, разгоняя пыль, полетел шептаться с черёмухой о Лениной истории. Вздохнув и оглянувшись, не видит ли кто её в затрапез-

ном виде, девушка приступила к работе. Сперва неловко, но с каждым разом всё более принаравливаясь, стала она сметать мусор. Постепенно девушка вошла во вкус, и даже на удивление легко выковыряв близ стены какую-то железную трубу, положила её в общую кучу мусора. По завершении работы, она удовлетворённо осмотрела поле своей деятельности. Кусты шиповника и трава теперь особо радовали своей зеленью, которую после долгой зимы приятно было созерцать. Ничто человеческое не уродовало их первозданной чистоты. Даже пыль от машин еще не успела осесть на недавно распутившиеся листья. Лишь только что проснувшиеся шмели, на всякий случай проверив шиповник на предмет цветов, спешили вслед за ветром к черемухе, стоящей невдалеке от кафе «Перечница», где Лена вскоре собиралась играть свадьбу. Видя, что на её участке работа закончена, и Лена поспешила к кафе, догоняя остальных «субботников», навывихом взглядом высматривая по дороге окурки и сметая их в кучки у бордюров.

– Хорошенький денёк, – прозвучало у неё над ухом, когда девушка склонилась подобрать пустую пачку от сигарет.

– Да, солнечный. В этом году очень ранняя и теплая весна, – ответила девушка мужчине лет пятидесяти, шедшему от «Перечницы», в одной руке у которого была метла, а в другой – мешок с мусором.

– А у меня всегда тёплая весна, как только услышу от кого доброе слово. Жалко, что чаще бывает наоборот. Знаете

ведь этот народ? Для них дворник – не человек. Его можно обругать, можно послать...

Честно говоря, Лена сперва решила, что это один из их сотрудников. Впрочем, против дворников у неё не было предубеждений, а потому захотелось его как-то подбодрить.

– Значит Вы Ангел, коль Вас посылают. В греческом языке слово «ангел» значит «посланный», – вспомнила девушка недавние наставления Максима.

– Гляди-ка, Ангел! Ишь ты! – дворник ухмыльнулся. Из всего было видно, что такое замечание ему понравилось и на душе действительно стало солнечно, – повезло Вашему мужу с такой начитанной женой. Вы ведь замужем?

На минутку девушка заколебалась с ответом. В интонации дворника не слышалось ни приставания, ни флирта, а простой житейский интерес. Но как ей себя сейчас определить? Не замужем, впрочем, и несвободная? «Несвободная» в смысле встречаюсь с парнем. Да ведь она не просто встречается, а уже невеста, даже заявление после праздников подадут. Подготовка к свадьбе в полном разгаре, уже платье, кольца скоро купят.

– Собираюсь замуж, – лаконично и просто ответила она.

– За того парня с гитарой? Ну, с ним, у тебя всё будет хорошо.

– Откуда он знает Макса? Наверное, видел нас вдвоём. А когда? Ах, да! Недели две назад Максим приходил в обед с гитарой. Неужели он это запомнил? Вокруг столько народа

ходит... Может... может он и впрямь Ангел? Максим рассказывал, что иногда Ангелы являются в простом человеческом облики. Надо быть осторожней в словах, – пронеслось в Ленином мозгу. Вслух же она только ответила:

– Угу.

– А давно Вы здесь работаете?

– Пять лет.

– Порядочно. Вон там и вовсе ветеран идёт, – указал дворник на мужчину, который мусор, сметённый в кучи, собирал в мешки. Подойдя к месту, где убиралась Лена, он мелочь подцепил на лопату и определил к прочим отбросам человеческой жизнедеятельности, а металлическую трубу отнёс ближе к стене и бросил в траву. Теперь Лена поняла, почему труба так легко выковырялась. Видно она кочевала туда – сюда уже не первый раз.

– Дядя Миша, ну Вы тут докончите без нас? – на бегу обратилась к «Ангелу» начальница службы хозяйственного отдела, – Лен, нам осталось ещё пройти с той стороны улицы. Подметать не нужно, просто собрать крупный мусор в кучи.

– Дядя Айрат, – энергично махнула она рукой мужчине, перетащившему трубу, – что Вы там копаетесь? Идёмте скорее. На той стороне за девочками тоже нужно будет кучи убирать.

Вечером дома Лена перед зеркалом примеряла купленный подвенечный наряд, когда зазвонил мобильный. Это

был Максим.

– Здравствуй, Ёжик! У меня плохие новости. Вадик, тот у которого мы собирались взять машину на свадьбу, как раз в июле на ней уезжает к родственникам в Самару. На весь месяц! Представляешь? Не знаю теперь что и делать. Вероятно, придётся брать машину на прокат. Конечно, попробую ещё с дядей поговорить, может у него есть какие-то варианты? Ой, прости! Я тебе рта не даю раскрыть. Как твои дела? Платье купила?

– Да-а-а, – пропела девушка, продолжая кружиться, глядя на своё отражение, – купила. И даже очень замечательное.

– Ой, здорово! Покажешь? О! Я забыл – мадмуазель верит в приметы.

– Знаешь, Макс, насчет платья я просто пошутила. А насчет машины, да и всей нашей дальнейшей жизни – не переживай. Я видела Ангела и он сказал: «Всё будет хорошо».

– Ты слишком долго любовалась на себя в зеркало, Взбултыхатель мой ненаглядный? И решила, что у такого замечательного Ангела не будет проблем?

– Нет же! самого настоящего Ангела. Зовут его Михаил... – и Лена стала рассказывать Максиму о её сегодняшней встрече таким тоном, чтобы он до конца не понял шутит она или на полном серьёзе верит в явление Небесного Посланника.

– Как замечательно! Теперь я вижу, что воистину Господь послал Ангела Своего тебе для ободрения.

– Ты что, Макс! Действительно веришь, что мне повстречался Ангел? – притворство в её голосе моментально испарилось, – это же обычный дворник дядя Миша, с самой что ни на есть заурядной внешностью, двухдневной щетиной, серой мятой панамкой на голове и в спортивной безрукавке.

– Я всё это прекрасно понимаю. Просто хочу сказать: часто нам важно услышать чьё-то ободрение, узнать, что всё будет хорошо, что наши потуги и труды не напрасны, что мы – образ Божий, а не мусор под чьими-то ногами, и всё в нашей жизни получится. В такие моменты Господь иногда посылает Ангелов, но чаще – обычных людей. Помнишь, я пел тебе древнюю английскую песню: «У Христа на земле нет других рук, кроме наших...»?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.